

5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя / Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В X т. – Поэмы и сказки / А. С. Пушкин. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – Т. IV. – 595 с.
7. Теплинский М. В. История русской литературы XIX века: Учеб. Пособие / М. В. Теплинский. – К.: Выща шк., 1991. – 423 с.
8. Томашевский Б. В. Пушкин / Б. В. Томашевский. – М.-Л., 1956.– Кн.1.

УДК 82-31:398

Елена Белинская
(Донецк)

**ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРЯДОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ
М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА
«ДЕРЕВНЯ»**

Статья посвящена изучению трансформационных процессов обрядово-ритуальной системы славянской культурной традиции в переломную эпоху. На примере двух произведений XX века, в которых сохраняется бытописательная установка и обрядово-ритуальный комплекс, выделяются универсалии, на которых основывается обрядовая система, рассматриваются причины и последствия трансформационных процессов, затронувших данную систему.

***Ключевые слова.** Обряд, ритуал, бытописательная традиция, трансформация, переломная эпоха.*

«Рубеж веков», «перелом веков», «переломная эпоха» или «эпохальный перелом» – все это синонимичные словосочетания, отражающие трагичность грядущих изменений, назревающую конфликтность ситуации перехода, смены одного времени другим.

Конфликтность этой ситуации, назовем ее «пограничной», усугубляется тем, что «перелом», как правило, затрагивает весь жизненный уклад, поворачивая и самое течение жизни в иное русло.

В этой связи интерес вызывают произведения, в которых авторы обращаются к истокам народной жизни, к обрядовости и устному творчеству, которое ее сопровождает. Здесь мы имеем дело также с бытописательной установкой, опорой на традиционность жизненного, семейного уклада, значимость для человека основных его составляющих.

Среди них календарные и семейные праздники, распределение хозяйственных обязанностей, почитание предков и т.д.

Славянский быт поэтичен в своей основе. Доказательство тому – обрядово-ритуальная система, центральным обрядом которой является свадьба.

Общеславянский обрядово-ритуальный комплекс тесно связан с народной поэтической системой (песнями, суевериями, небылицами, быличками, приметами и т.д.), заговорно-заклинательной традицией.

Эта система пронизывает и бытовые реалии, представляя собой набор ключевых жизненных этапов – *родины, свадьба, смерть*.

При изучении каждого обряда в отдельности и во взаимодействии с двумя другими становится ясно, что устойчивость цикла достигается за счет проникновения погребально-поминальной обрядовости в свадебную и родильно-крестильную, за счет привнесения атрибутики похорон в два других обряда. Например, венчик у мертвеца и венец у молодых, ряд запретов относительно покойника и невесты и др. Погребальный обряд вбирает в себя весь завершающий цикл жизненного пути, концентрирует знания обо всех предшествующих обрядах.

В славянской культурной традиции погребальный обряд имеет 3 этапа. Обозначим их как *предпогребальный, собственно похороны и поминовение души усопшего*. Можно провести параллель с двумя другими обрядами, входящими в цикл. Весь свадебный комплекс, включая совокупность локальных вариантов, также делится на три крупные части: *предсвадебный период*, в который входит не только сватовство и запой, но и смотрины, ожидание ответа, обряд смотра дома жениха и т.д.; *собственно свадьба* (с поезжаньем, венчанием, свадебным пиром и т.д.), а также *послесвадебье*, где основное смысловое наполнение имеет так называемое «хождение по сабе» (молодые в течение недели ходят в гости к тем родственникам, друзьям и знакомым, которых сами выберут).

Родильно-крестильная обрядовость делится на несколько этапов, сходных в своей основе с двумя другими обрядами. Назовем эти этапы *предродильным, собственно родильным и крестильным*. Первый этап начинается еще в свадебном обряде, когда в момент сватовства сваха ворует курицу (наделенную женской сексуальной символикой) ради положительного ответа и будущего хорошего потомства, продолжается до момента зачатия и вынашивания ребенка со всеми сопровождающими этот период запретами. Собственно родины характеризуются облегчением физической боли женщине путем открывания окон и дверей, обведения роженицы вокруг стола и др. Крестильный этап связан с послеродовым «карантином» матери и ребенка, запретом в течение 40 дней (до момента крестин) показывать ребенка людям, делать домашнюю работу и др.

Как видим, в каждом обрядовом действе, входящем в тот или иной цикл, на первом месте стоит человек, находящийся в состоянии так называемого перехода, а потому обнаруживающего в себе демонические свойства.

Так, при появлении в доме покойника открывают печные заслонки, чтобы душа могла вылететь в трубу и не смущала родных; засватанной девушке в некоторых локальных традициях (на русском севере, например) нельзя ходить и разговаривать с другими людьми, пока не станет законной супругой, о беременной женщине пословица говорит: «С пузом ходить, смерть за плечами носить».

В результате всего этого в славянской народной традиции возникает особое обрядовое двоемирие, в котором находится человек. В ситуации этого двоемирия и происходит взаимопроникновение одних обрядов в другие.

Таким образом, при изучении произведения, в котором отражены и даже занимают основное место бытописательные установки, базирующиеся на традиционном обрядово-ритуальном комплексе, мы в своем исследовании обратим внимание на то, в каком состоянии тот или иной обряд освоен данным произведением, какие его части сохранены, какие отсутствуют и по какой причине, подвержен ли обряд трансформации. Следующий момент, важный для исследователя, назовем *«обрядовой диффузностью»*, то есть взаимопроникновением обрядов друг в друга, а также тем новым семантическим наполнением, которое они при этом приобретают. Обрядово-ритуальный комплекс, представленный в романе «Тихий Дон» и повести «Деревня», был подвергнут качественным изменениям. Тем не менее, даже в таком трансформированном виде обряд выделен как основная веха на жизненном пути, с него и начинается жизнь героев. В нашей предыдущей статье «Трансформация свадебного обряда в пространстве романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» речь шла о свадебном обряде как об особом жизненном этапе, представленном в романе в контексте перехода от одной стадии жизни к другой.

Автор сохраняет только наиболее важные элементы свадьбы, которые сопровождаются ритуальными действиями, направленными на защиту молодых. И свадебный обряд читатель воспринимает с позиций автора и главного героя. С позиции автора обряд логичен, закономерен, по-древнему значим. На это указывают и этикетные выражения (например, обращение свахи к родителям невесты *«родимые мои»*, *«люди добрые»* и т.д.); и торжественность описания (*«За невестой в поезжанье нарядили четыре пароконные подводы. По-праздничному нарядные люди толпились на мелеховском базу возле бречек»* [2, с. 101]; *«Петро сидел рядом с Григорием. Против них махала кружевной утиркой Дарья. На ухабах и кочках рвались*

голоса, затянувшие песню. Красные околышки казачьих фуражек, синие и черные мундиры и сюртуки, рукава в белых перевязях, рассыпанная радуга бабьих шалевых платков, цветные юбки. Кисейные шлейфы плыли за каждой бричкой. Поезжанье» [2, с. 102]), и особое состояние природы («Держа в своей руке шершавую крупную руку Натальи, Григорий вышел на паперть. Кто-то нахлобучил ему на голову фуражку. Пахнуло полынным теплым ветерком с юга. Из степи тянуло прохладой. Где-то за Доном синёвилась молния, находил дождь, а за белой оградой, сливаясь с гулом голосов, зазывно и нежно позванивали бубенцы на переступавших с ноги на ногу лошадях» [2, с. 106]). Раскрыты основополагающие ритуальные действия, на которых зиждется структурная канва казачьей свадьбы. Таковыми являются сватовство («<...> Тек Пантелею Прокофьевичу в уши патоккой свашенькин журчащий голосок. Слушал старик Мелехов и <...> любовался он свахой, пластавшейся в похвалах невесте и невестинной родне, начиная с пятого колена» [2, с. 81]); свадебный стговор («Мирон Григорьевич порвал молчание: – Что ж... Порешили мы девку отдать. Породимся, коли сойдемся... В этом месте речи Ильинична <...> выволокла наружу высокий белый хлеб, положила его на стол. Пантелей Прокофьевич извлек <...> схваченную за горло красноголовую бутылку. – Давайте теперь, дорогие вы мои сваточки, помолимся богу, и выпьем, и поговорим про наших деточек и про уговор...» [2, с. 93, 94]), кладка («Кладка должна быть!.. У ней своего наряду сундуки, а ты мне-е-е уважь, ежели по сердцу она вам приилась!.. Такая наша казацкая повадка. В старину было, а нам к старине лепиться...» [2, с. 95]); поезжанье («Лошади в кумачовых, голубых, бледно-розовых пополах, в бумажных цветах, в лентах, заплетенных в гривы и челки, в перевязке громышков, стлались над кочковатой дорогой, роняя шмотья мыла, и попонки над взмыленными мокрыми спинами хлопали, рябились, полоскаемые ветром. Брички с гомоном вкатили во двор. Петро повел Григория на крыльцо, следом потекли приехавшие в поезжанье» [2, с. 102-103]); выкуп («Наталью, уже одетую в подвенечное платье и фату, стерегли за столом. <...> Сваха мигнула Маришке, та по столу скалкой: – Мало! Не продадим невесту!..» [2, с. 103]); венчание («<...> – Поменяйтесь кольцами, – сказал отец Виссарион, тепловато глянув Григорию в глаза. Поменялись. <...> Потом Григорий три раза целовал влажные, безвкусные губы жены, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали вытиравшие в притвор люди» [2, с. 106]); свадебный пир («— Гуляем, люди добрые!.. – Баранинки спробуй <...> – Горь-ка-а-а!.. <...> – Кум Прошка, давай стремленную чекалдыкнем.<...> В кухне закачался, выгибаясь, пол, затарахтели каблуки, упал стакан...» [2, с. 108]).

Григорий же воспринимает обряд не как таинство брака, где все делается во благо молодых, а как неприятную необходимость. Он говорит

о Наталье, которую хочет сватать отец: *«Мне ее красоту за голенищу не класть»* [2, с. 70]. Следующее за выкупом угощение не предназначается для молодых, поэтому удручает героя: *«Григорий с внутренним сожалением поглядывал на свою и Натальину ложки, связанные платочком»* [2, с. 104]; на венчание Григорий как будто смотрит со стороны, обращен не к происходящему, а в глубь себя: *«Через час Григорий стоял в церкви рядом с похорошевшей в сиянии свечей Натальей, <...> повторял в уме одно назойливое слово: «Отгулялся... отгулялся»* [2, с. 105-106]. В целом, то пространство, в которое попадает герой, вызывает в нем резко негативные чувства, усталость и отвращение.

Переосмысление центрального обряда в романе ведет к переосмыслению всего традиционного пространства Дона, особым образом определяет будущее героев. Реорганизуются семейно-родственные отношения, а это приводит к тому, что рушится система традиционного казачьего миропорядка, космическая модель жизни. Такой взгляд героя закономерен в условиях эпохального перелома, который ведет не только к трансформации традиционных обрядовых форм, но и к полному переосмыслению практической значимости, нормативности, и закономерности обряда как такового.

Не менее интересен свадебный обряд в повести *«Деревня»* И. А. Бунина. Здесь он приобретает не просто комический, а саркастический характер. Так, например, основное чувство, вызываемое у Кузьмы Красова появлением свата, - *«болезненность происходящего»*. У Молодой гардина *«заместо»* фаты. А мы знаем из славянской культурной традиции, что одеяние невесты – это своеобразный оберег, который выполняет символическую функцию. О своем твердом решении выйти замуж Молодая говорит: *«Мертвых с погоста не носят»* [1, с. 127]. В самом обряде сохраняются такие действия, как сватовство, свадебный сговор, соби́рание невесты, выкуп, поезжанье, венчание. Значимые части традиционной славянской свадьбы, подвергаясь трансформации в данном произведении, выглядят абсурдными, смешными. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что отдают замуж вдову.

Как правило, ни о каких девичнике, свадебном деревце и тем более фате, не могло быть и речи. То есть, перед нами такая ситуация, когда отдельные элементы свадебного действия не несут семантическую нагрузку, не являются необходимыми частями обряда, в случае несоблюдения которых молодых может ждать несчастье, а становятся неким развлечением, лишенным сакральности и смыслового наполнения.

Если в *«Тихом Доне»* подробно выписаны картины свадебного пира, то в *«Деревне»* нет веселья на свадьбе. На это указывает ряд образительно-выразительных средств, используемых автором: невеста *«ослабела*

от слез», бубенцы «заныли», «черный» с большими лопатками священник, Молодая казалась в венце еще «мертвее»²². Сопровождают молодых «ветер», «буйная темная муть», «снег», «волчий голос» горластой бабы.

Погребальный обряд в «Тихом Доне» выписан не полно, фрагментарно. Здесь изображено соби́рание смертного узла Ильиничной, заготовленный заранее гроб на чердаке у деда Гришаки, панихида по убиенному воину и поминовение его души, приготовление и соби́рание мертвого (похороны Петра и Натальи). Все сцены, отображающие погребальный обряд, исполнены таинственности, древней глубинной значимости, указывают на то, что даже в период военных действий казачий культурный социум по-христиански бережно относится к таинству смерти. В «Деревне» дело обстоит несколько иначе. Приведем характерный пример из текста, свидетельствующий о разрушении погребального обряда и искаженном понимании ритуальных актов, его сопровождающих: *«Молодая голосила, провожая гроб, так искренно, что была даже неприлична, – ведь эта голосьба должна быть не выражением чувств, а исполнением обряда, – и мало-помалу тревога Тихона Ильича улеглась»* [1, с. 44]. Другими словами, принятые на похоронах плачи и причитания по покойному приобретают «неприличный» характер. Не менее саркастический характер имеет описание смерти Иванушки, который *«твердо решил не поддаваться смерти»*, отказывался от причастия, чтобы не помереть, а помер от того, что, встав однажды утром, увидел в сенцах новый гроб, свежие пироги, затеянные снохой, и вспомнил, как его соседу Лукьяну лет тридцать назад родственники приготовили все к похоронам, а *«Лукьян возьми да и поправься. Куда было девать гроб? Чем оправдать траты? Лукьяна лет пять проклинали потом за них, сжигали попреками со свету... Иванушка, вспомнив это, поник головой и покорно побрел в избу. А ночью, лежа на спине без памяти <...> с пеной на раскрытых губах застыл»* [1, с. 113-114].

Обряды и ритуалы, включенные в художественное пространство произведений, вступают во взаимоотношения с бытовыми реалиями, не имеющими отношения к обряду как таковому. Но если в «Тихом Доне» быт поэтичен, имеет фольклорные истоки, то в «Деревне» быт, *«страшный в своей обыденности»*, способен сделать человека *«бесплодной смоковницей»* [с.68].

Но, не смотря на сложные трансформационные процессы, затронувшие оба произведения, мы все-таки можем выделить несколько универсалий, характерных для изображения обрядового пространства и цикличности жизни. Это топос дома как жилого пространства, в котором

---

²² Сравним с надеванием венца покойнику. Здесь ярко выраженное взаимопроникновение свадебной и похоронной обрядовости.

разворачивались основные жизненные события; топос церкви, так как обязательными были венчание, причащение усопшего, крестины; а также темпоральные характеристики (приуроченность к определенному времени суток, календарному празднику и др.).

Эти универсалии пронизывают обрядово-ритуальное пространство в исследуемых произведениях, выступают фундаментом, на котором закладываются дальнейшие события и характер их развертывания. Например, с изображения казацкого куреня и база, с описания семейных сборов казака в лагере начинается повествование в «Тихом Доне». В этом же курене происходят основные жизненные события героев: свадьба, приготовление к погребению Петра, Натальи, Ильиничны, появление детей Полюшки и Гришатки. Другими словами, мелеховский курень, – это некий микрокосм, в котором обязательный порядок может нарушить только событие, которое в корне изменит устоявшуюся систему. В данном произведении это война.

В «Деревне» Бунина дом довлеет над человеком. Тихон Ильич, думая о прошедшей жизни, отмечает про себя, что в жизни нигде не был и мало что видел. Задаваясь вопросом «Почему?», сам же на него отвечает: *«Кабаны не велят»* [1, с. 51]. Невозможность оставить хозяйство, одиночество, отсутствие в доме детей приводит к зависимости героя от собственного дома, к постепенно назревающей ненависти к нему. Тем не менее, именно здесь определяется древнее значение дома. Но вкладывается оно в уста человека, который сам живет в повалившейся избе, изводя родных и близких, человека, который сватает вдову за своего непутевого сына: *«Без троицы дом не строится, без четырех углов – изба не кроется. Положь по рублю на каждом углу, пятый – посередке да бутылку водки»* [1, с. 129]. Как и весь обряд, изображенный Буниным в повести, эта фраза выглядит абсурдной потому, что предан забвению ее древний сакральный смысл.

Тем не менее, дом как народный космос, как универсалия народной жизни, хотя и меняется в период эпохальных изменений, но не исчезает полностью как основа народного миропорядка. Понимание дома и семьи меняется в исследуемых произведениях в первую очередь потому, что меняется сам человек. Внутреннее приятие или отказ от нового хода жизни, трансформация обрядово-ритуального пространства, выход человека за пределы этого пространства, переосмысление традиционных бытовых устоев ведет к формированию новых жизненных ценностей, которые, однако, связаны с народными традициями предков. Это сохранение традиции проявляет себя в пословицах и поговорках (а вместе с ними приметах и суевериях), которые передают опыт народного восприятия жизни, в церковных таинствах, заговорно-заклинательных формулах и традиционных этикетных выражениях.

Анотація

Стаття присвячена вивченню трансформаційних процесів обрядово-ритуальної системи слов'янської культурної традиції за часів епохальних змін. На прикладі двох творів ХХ століття, в яких зберігається настанова на опис побуту і обрядово-ритуальний комплекс, виділяються універсалії, на яких ґрунтується обрядова система, розглядаються причини і наслідки трансформаційних процесів, що торкнулися даної системи.

Ключові слова: обряд, ритуал, настанова на опис побуту, трансформація, переломна епоха.

Summary

The article is devoted to the study of the transformation processes of rite and ritual system of a Slavic cultural traditions in a pivotal era. Using two pieces of the XX century, which remains description to the mode of life and ceremonial and ritual complex, universal stand, on which the ritual system that deals with the causes and consequences of the transformation processes that have affected the system.

Key words. Rite, ritual, the mode of life, transformation, a pivotal era.

Литература

1. Бунин И. А. Повести. Рассказы / Иван Алексеевич Бунин. – Ростов, Кн. изд-во, 1982. – 384 с.
2. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 4-х книгах / Михаил Александрович Шолохов. – Кн. 1-2. М.: Худож. лит., 1980. – 656 с.
3. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 4-х книгах / Михаил Александрович Шолохов. – Кн. 3-4. М.: Худож. лит., 1979. – 736 с.